

E. Riesel. Abriss der deutschen Stilistik.— Moskau, Verlag für fremdsprachige Literatur, 1954. 404 стр.

Книга проф. Э. Г. Ризель «Очерки по стилистике немецкого языка», вышедшая недавно в Издательстве литературы на иностранных языках, представляет собой первую посвященную данному вопросу работу в советской филологической литературе.

Соответствующие немецкие учебные пособия прежних лет, в частности, наиболее известное из них — «Немецкая стилистика» Р. Мейера¹, в настоящее время в значительной мере устарели, появившаяся же в новом издании книга Л. Рейнера «Искусство стиля»² не может быть положительно оценена как пособие по стилистике в связи с неверными теоретическими основами данной работы, хотя отдельные главы в ней и представляют известный интерес. Следует также отметить, что опубликованные в последние годы в ГДР небольшие брошюры и отдельные статьи посвящены главным образом практическим вопросам языковой нормы, освобождению языка от штампов, созданных в годы фашизма.

В связи со сказанным трудно недооценить значение очерков Э. Г. Ризель, ставящих своей задачей дать систематическое изложение проблем немецкой стилистики в свете марксистского учения о языке.

Рассматриваемая книга состоит из введения, трех основных частей и приложения. Во введении (стр. 3—38) автор в первую очередь раскрывает свое понимание стиля языка, определяя последний как «оформление речевого выражения (Ausdrucks-gestaltung) в определенной области человеческой деятельности с определенной коммуникативной целью», как «специфически-функциональный способ (разрядка моя.— Н. Ф.) использования находящихся во всеобщем распоряжении единых языковых средств» (стр. 7).

Данное определение центрального объекта стилистики, хотя в нем совершенно справедливо указывается на функциональную обусловленность стилей языка, нельзя признать правильным, поскольку оно вызывает представление о том, что стили языка возникают лишь в момент его применения. В действительности же стили единого национального языка объективно сосуществуют внутри него как «соотносительные системы речевого выражения (разрядка моя.— Н. Ф.)», характеризующие функциональное своеобразие употребления национального языка в разных сферах общественной жизни и для разных целей³. Уязвимость приведенного выше определения осознается, повидимому, и самим автором, что побуждает его добавить следующее: «В процессе своего исторического развития каждый стиль вырабатывает (bildet heraus) более или менее замкнутую систему выразительных средств, типичных именно для него» (стр. 7).

Недостаточно последовательности в трактовке понятия стиля проявляет автор и на следующей (8) странице, где он то полностью отождествляет «функциональный способ использования» и «функциональный стиль», то говорит о стилях как о «параллельных системах выражения с определенной коммуникативной целью (в определенных промежутках времени)», а также и в дальнейшем изложении.

Не вполне точным оказывается определение, даваемое Э. Г. Ризель, и во второй своей части — там, где указывается, что стиль представляет собой «специфически-функциональный способ использования находящихся во всеобщем распоряжении единых средств языка» (разрядка моя.— Н. Ф.). Ведь если понимать стили единого национального языка как соотносительные системы речевого выражения, то необходимо признать, что каждой из таких систем будут присущи, наряду с общими, и свои особые, специфические для нее средства. Следовательно, вряд ли можно считать их находящимися во всеобщем распоряжении.

Дав определение стиля, Э. Г. Ризель переходит далее к классификации стилей языка (насколько последняя возможна при современном уровне разработанности названной проблемы). В качестве главного критерия при этом автор вполне обоснованно избирает «разделение по специфической функции, которую данная система выражения⁴ выполняет в процессе устного или письменного общения» (стр. 9), что приводит к следующей схеме (стр. 10):

¹ R. M. Meyer, Deutsche Stilistik, München, 1913.

² L. Reiners, Stilkunst. Ein Lehrbuch deutscher Prosa, 3-e Aufl., München, 1950.

³ См. В. В. Виноградов, Основные задачи советской науки о языке в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию, М., 1952, стр. 31. Ср. также определение стилей языка как «целесообразно организованных систем словесного выражения» в статье того же автора «Язык художественного произведения» (ВЯ, 1954, № 5, стр. 7).

⁴ Таким образом, здесь автор понимает под стилем уже не «функциональный способ использования» (ср. выше), но «систему выражения», что является правильным.

Языковые стили письменной речи

- 1) научный стиль
- 2) публицистический стиль
- 3) официальный стиль

Языковые стили устной речи

- 1) стиль общения дома и в семье (так называемый «обиходно-бытовой стиль»)
- 2) стиль устных выступлений (так называемый «риторический стиль»), как объединение всех устных форм проявления указанных письменных стилей языка

Особое место, согласно концепции Э. Г. Ризель, занимает «способ использования» языка в художественной литературе, представляющий благодаря широте и полноте своих выразительных возможностей явление иного порядка, чем перечисленные выше стили письменной и устной речи. Вместе с тем автор считает вполне допустимым говорить о языковом стиле художественной литературы, мотивируя это следующим образом: «Специфика системы речевого выражения художественной литературы заключается именно в том, что она может вобрать в себя и использовать все источники языковых средств (как литературные, так и не литературные) (разрядка моя.— Н. Ф.), хотя в действительности это происходит и не всегда» (стр. 15).

Не претендуя на окончательное разрешение спорного вопроса о том, можно ли выделить особо стиль художественной литературы, мы хотим лишь отметить неразрывную связь его трактовки с пониманием и определением стили вообще. Если под стилем (вместе с Э. Г. Ризель) понимать «способ использования» языка, то в стили языка естественно войдет стиль художественной литературы. Если же рассматривать стиль как определенную систему средств речевого выражения, то выделение в ряду стилей единого национального языка особого стиля художественной литературы с точки зрения современного немецкого языка едва ли является обоснованным¹. Вбирая в себя и используя богатые ресурсы всех стилей и диалектов общенародного языка в пропорциях, которые трудно предугадать, язык художественной литературы не сможет составить целостной системы, что совершенно необходимо для отнесения его в ряд стилей. Затронутая здесь проблема вне всякого сомнения нуждается в специальном исследовании, при котором глубоко и последовательно должен соблюдаться принцип историзма.

Описанная классификация стилей книжного типа речи, в основном, совпадает с классификациями, содержащимися в пособиях по русскому языку, выпущенных в последнее время в издательстве МГУ, однако является, по сравнению с последними, менее полной. Так, например, проф. А. И. Ефимов² выделяет в современном русском языке, наряду с художественно-беллетристическими, общественно-публицистическими, официально-документальными стилями и стилями научного изложения, также стили профессионально-технические, «которые характерны для производственно-технической литературы, обслуживающей нужды и потребности крайне разнообразных профессий для разнообразных областей техники, для военного дела и других сфер деятельности», и эпитолярные стили, «характерные для различной переписки, дневников, писем и т. д.»

Техническо-производственный стиль, обслуживающий нужды общения в производстве, и эпистолярно-повествовательный стиль, характерный для дневников, хроник, бытовой и литературной переписки, выделяются в современном русском языке также проф. Е. М. Галкиной-Федорук³. Е. М. Галкина-Федорук и А. И. Ефимов ставят проблему классификации стилей (в указанных работах) сугубо конкретно — лишь применительно к современному русскому языку, между тем как в книге Э. Г. Ризель данная проблема трактуется слишком общо, как проблема установления единой классификационной схемы для стилей всех языков (ср., например, стр. 8 и сл.). Однако подобная постановка вопроса представляется совершенно неправильной, поскольку национальная самобытность любого языка ярко проявляется и в стилистическом плане.

¹ Ср. об этом в статье В. Д. Левина «О некоторых вопросах стилистики» (ВЯ, 1954, № 5, стр. 79—80): «... язык художественной литературы не обладает признаками языкового стиля, поскольку он не представляет собой системы стилистически однородных явлений, принципиально лишен всякой стилистической замкнутости и не опирается на специфическую для него стилистическую окраску языковых средств».

² А. И. Ефимов, История русского литературного языка. Курс лекций, [М.], 1954, стр. 22.

³ См. Е. М. Галкина-Федорук, Современный русский язык. Лексика (Курс лекций), [М.], 1954, стр. 14.

Стили, широко развитые в одном языке, в другом могут быть развиты менее или совсем отсутствовать, что тесно связано с конкретно-историческими условиями функционирования того или иного языка¹. Более того, неодинакова будет и стилиевая структура какого-либо одного языка в разные периоды его исторического развития².

Поэтому более правомерно со стороны автора было бы говорить не об общей для всех национальных языков классификации стилей (создание которой едва ли возможно), но о системе стилей современного немецкого языка, которая, собственно, и находит свое отражение в установленной Э. Г. Ризель схеме.

Каждый из указанных выше стилей единого национального языка включает в себя, по мнению Э. Г. Ризель, несколько менее крупных стилиевых разновидностей (*Gattungsstile*) (стр. 17). Так, например, официальный стиль распадается на стиль учреждений и канцелярий, судебный, дипломатический и торговый стили, отличающиеся друг от друга особенностями терминологии (узко специализированная лексика), фразеологических клише, а также характером отбора слов и известными синтаксическими особенностями (там же).

В разграничении стилиевых разновидностей, как видно из приведенного примера, строго соблюдается функциональный принцип, что выгодно отличает рассматриваемую книгу от некоторых других работ по стилистике и, в частности, от «Очерков по стилистике русского языка» проф. А. Н. Гвоздева, где выделение разновидностей стиля базируется на такой шаткой основе, как «характер воздействия на слушателей, связанный с тем, в каких взаимоотношениях находятся участники речи»³. Ср. выделяемые А. Н. Гвоздевым «торжественный», «официальный», «янтимно-ласковый», «шутливый» и «насмешливый» стили.

Хотелось бы, однако, чтобы Э. Г. Ризель охарактеризовала в своих очерках не только стилиевые разновидности внутри стилей книжного типа речи (т. е. внутри официального, публицистического и научного стилей), но также и стилиевые разновидности внутри стилей разговорного типа речи. Несколько спорной представляется трактовка разновидностей стиля художественной литературы (если признать последний стилем) как жанровых стилей (*Genrestile*) (стр. 18), поскольку этим нарушается функциональный принцип классификации, соблюдаемый автором. Ведь нельзя же считать создание произведения определенного жанра (трагедии, комедии, басни, народной песни) функцией стиля художественной литературы. Скорее можно было бы связать стилиевые разновидности в данной области с особенностями творческого метода, литературного направления и т. п.

Автор стремится четко отграничить друг от друга понятие стиля языка и стилистической окраски, проявляющейся как в лексике и фразеологии, так и в грамматике (стр. 19). Справедливо указав на то, что стилистическая окраска может быть абсолютной, т. е. присущей языковому явлению всегда (и вне контекста), или контекстуальной, т. е. возникающей лишь в определенном контексте (стр. 19), Э. Г. Ризель устанавливает два ряда стилистических окрасок (стр. 20 и сл.). Первый из них охватывает градации в следующих направлениях: 1) литературно-нейтральная (*einfach-literarisch*), приподнятая (*gewählt, gehoben*) и напыщенная (*geschraubt*) стилистические окраски; 2) литературно-нейтральная (*einfach-literarisch*), литературно-разговорная (*literarisch-umgangssprachlich*), фамильярно-разговорная (*familiär-umgangssprachlich*) и грубая (*grob*) стилистические окраски. Другой ряд включает разнообразные экспрессивные оттенки; ср. нейтральную (*nichtemotional*), эмоциональную (*emotional*) и повышено-эмоциональную (*bewegt-emotional*) стилистические окраски (стр. 25).

Однако отграничение стиля языка от стилистической окраски не должно перерасти в разрыв, не должно приводить к забвению того факта, что определенная стилистическая окраска языковых явлений порождается их длительным и преимущественным употреблением в пределах определенного стиля языка. То или иное языковое явление обладает определенной стилистической окраской потому, что оно принадлежит к определенному стилю языка. Таким образом, стиль относится к стилистической окраске, как причина к следствию: первое обуславливает второе; в свою очередь, второе помогает установить первое⁴.

Между тем ознакомление с параграфами «Очерков по стилистике немецкого языка», посвященными стилистической окраске, вызывает представление о том, что автор мыслит себе стилистическую окраску как величину, хотя и связанную в известной степени с определенным стилем (в том смысле, что определенные стилистические окраски тяготеют к определенным стилям), но от него не зависящую и им не порождаемую. Об этом говорит как вопрос на стр. 26: «Все ли стилистические окраски допустимы во всех стилях языка или определенные стили связаны с определенными стилистическими

¹ См. В. В. Виноградов, *Итоги обсуждения вопросов стилистики*, ВЯ, 1955, № 1, стр. 83.

² Ср. там же.

³ А. Н. Гвоздев, *Очерки по стилистике русского языка*, М., 1952, стр. 14.

⁴ См. В. В. Виноградов, *Итоги обсуждения вопросов стилистики*, стр. 70.

окрасками?», так и высказывание на стр. 19: «Стилистическая окраска придает стилю языка (т. е. речи, выдержанной в определенном стиле) определенный оттенок», в котором действительное соотношение стилистической окраски и стиля представлено в перевернутом виде.

О недооценке автором обуславливающей роли стиля по отношению к порождаемой им стилистической окраске свидетельствует и отказ от функционального принципа при их установлении, в то время как в противном случае неизбежно было бы выделение ряда функционально-стилистических градаций.

В третьем разделе введения убедительно доказывается необходимость различения между языком и индивидуальным-художественным стилем писателя, с одной стороны, и литературно-художественным методом целых литературных направлений — с другой.

В четвертом (последнем) разделе определяются предмет, задачи и место стилистики среди прочих отделов языковедения.

Первая часть книги Э. Г. Ризель — «Лексические и фразеологические средства выразительности в современном немецком языке» (стр. 41—241) представляет собой самый обширный (как по объему, так и по охвату материала) из ее разделов. Она состоит из десяти глав: «Отбор слов и его значение» (стр. 41—52); «Стилистическая дифференциация лексики и фразеологии современного немецкого языка» (стр. 52—100); «Территориальные различия в словарном составе современного немецкого языка» (стр. 100—115); «Архаизмы и неологизмы» (стр. 115—137); «Иноязычные слова» (стр. 137—152); «Тропы как стилистическое средство» (стр. 152—177); «Перифразы» (стр. 177—191); «Эпитеты» (стр. 191—203); «Лексико-фразеологические средства, постоянно используемые в целях юмора и сатиры» (стр. 203—218); «Застывшие словосочетания» (стр. 218—241).

Данная часть вполне правомерно начинается показом огромного значения правильного отбора слов. Ведь предисылкой последнего является развитая синонимия, а именно изучение синонимических средств выражения, присущих общепринятому языку, должно находиться в центре внимания исследователей стиля¹.

Следует, впрочем, заметить, что вопросы отбора слов (по отношению к немецкому языку) уже имеют свое подробное освещение в книге Л. Рейнера «Искусство стиля», где им посвящена особая глава², насыщенная богатым конкретным материалом.

Большой интерес, как в теоретическом отношении, так и в отношении иллюстративного языкового материала, представляет вторая глава первой части. Однако на построении ее сказывается тот разрыв между стилем и стилистической окраской, который был обнаружен нами уже во введении. Резко разграничив рассмотрение функционально-стилистической дифференциации словарного состава от рассмотрения его дифференциации по стилистической окраске, автор не замечает, что первая является в сущности не чем иным, как членением слов на группы в зависимости от наличия у них функционально-стилистической окраски. С этой точки зрения наблюдаемое в данной главе противопоставление функционально-стилистической дифференциации словаря и его дифференциации в зависимости от определенной стилистической окраски не может считаться достаточно оправданным.

Невыясненным остается в ней также вопрос о месте специфической жаргонной, профессиональной, студенческой и школьной лексики среди прочих слоев функционально-дифференцированной лексики (ср. стр. 61—69). Отмечая, что некоторые элементы перечисленных лексических групп могут просачиваться в так называемую «бытовую» лексику (*umgangssprachliche Lexik*), относящуюся к «обиходно-бытовому» стилю языка, автор ничего не говорит о функционально-стилевой принадлежности их остальной части.

Подробно останавливаясь на дифференциации словарного состава в зависимости от наличия у слов определенной стилистической окраски, Э. Г. Ризель считает нужным отделить стилистические градации типа «литературно-нейтрально — приподнято, торжественно-напыщенно» и «литературно-нейтрально — литературно-разговорно — фамильярно-разговорно — грубо» от собственно экспрессивных, эмоциональных оттенков. Подобное разделение значительно обедняет словарный состав немецкого языка в отношении экспрессивности, так как благодаря ему в разряд абсолютно эмоциональной лексики попадают лишь следующие группы слов (стр. 82 и сл.): 1) различные виды восклицаний, т. е. междометия (например, *ach!, oh!, tralala! juchheisa!* или целые сочетания, например *pfui Teufel!, Schmach und Schande!*); 2) так называемые «народные суперлативы (*Volkssuperlative*)» (т. е. сложные прилагательные с одним или несколькими усиливающими компонентами типа *junkelnagelneu* «новехонький, как с иголочки»); 3) сложные имена существительные с усилительным определяющим компонентом,

¹ См. В. В. Виноградов, Насыщенные задачи советского литературоведения, «Знамя», 1951, № 7, стр. 143.

² L. Reiners, указ. соч., 6. Kapitel: Wortwahl.

типа *Bombenerfolg* «колоссальный успех»; 4) тавтологические парные сращения типа *angst und bang, blass und bleich* и т. п.; 5) «все ругательства немецкого языка» (стр. 83).

Однако можно ли отказать в определенной экспрессии и эмоциональности таким словам, как, например, *Antlitz, vergeben* или *fressen* и *schuften*? У двух первых Э. Г. Ризель находит лишь стилистическую окраску природности, два же последних обладают, по мнению автора, только оттенком некоторой фамильярности или грубости (ср. стр. 71 и 81). Но разве природность или грубость и фамильярность сами по себе не связаны с определенной экспрессией? Весьма показательно, что и автор при анализе конкретного материала указывает на «перекрещивание и соприкосновение обоих видов стилистических окрасок в одном слове» (стр. 83).

Подводя итог как сказанному выше, так и только что сказанному относительно стилистических окрасок, необходимо отметить, что более целесообразным представляется объединение двух выделяемых Э. Г. Ризель рядов в один ряд экспрессивно-эмоциональных стилистических окрасок. Другой ряд составили бы функционально-стилистические окраски. Именно эти два ряда окрасок (экспрессивно-эмоциональная и функционально-речевая), часто накладывающихся друг на друга, выделяет акад. В. В. Виноградов, указывая на наличие в языке двойного рода стилистических синонимов — функционально-речевых и экспрессивно-смысловых¹.

Серьезные возражения вызывает содержащаяся в § 18 второй главы исключительная негативная характеристика официально-делового стиля речи, отличающегося, по мнению автора, бедностью, расплывчатостью и тяжеловесностью (ср. стр. 56, 58) и служащего для «затруднения понимания» (стр. 57). Подобную характеристику едва ли можно распространить на официально-деловой стиль речи в ГДР, тем более что для ее иллюстрации привлекаются те самые безличные стершиеся штампы, против которых в настоящее время развернута активная борьба (ср., например, глагол *erfolgen*).

Недостатком третьей главы, в целом весьма содержательной, следует признать то, что диалектизмы (чисто местные слова и выражения), территориальные дублеты (вошедшие в единый национальный язык) и так называемые «австриализмы» (как специфическая принадлежность функционирующей в Австрии формы немецкого языка) трактуются автором как явления, лежащие в одной плоскости.

Четвертая и пятая главы дают обстоятельный анализ неологизмов и архаизмов, а также иноязычных слов.

Вместе с тем возникает сомнение в правомерности трактовки в курсе стилистики чисто лексикологических проблем, подобных затронутым в третьей, четвертой и пятой главах². Перечисленные главы следовало бы коренным образом перестроить в связи с проблемой общей литературной нормы выражения.

Впечатление меньшей разработанности производит вторая половина первой части (за исключением десятой главы), посвященной средствам образности современного немецкого языка. Входящие сюда главы (с шестой по девятую включительно) по широте охватываемого ими материала перерастают рамки лексики и фразеологии и смыкаются с синтаксисом (ср., например, развернутые сравнения и перифразы, эпитеты, различные виды игры слов, а также «алогические» словосочетания), в связи с чем было бы крайне желательно, чтобы автор выделил их в особый раздел, назвав его «Средства образности современного немецкого языка».

Всяческого внимания заслуживает та трактовка тропов и эпитетов, которую мы находим в главах данного цикла. Справедливо критикуя укоренившийся в традиционной стилистике взгляд на тропы как на средство украшения языка, связанное лишь с его художественными формами, автор стремится вскрыть сущность тропов, их лексическую базу и языковую структуру, а также показать их стилистические функции. Отказавшись от схоластической многочисленной классификации тропов, характерной для ряда зарубежных пособий по немецкой стилистике, Э. Г. Ризель вполне правомерно сосредотачивает основное внимание лишь на двух их разновидностях — метафоре и метонимии, отмечая, впрочем, что в языковой действительности границы между ними часто стираются.

Однако глава «Очерков», посвященная тропам, не лишена ряда мелких погрешностей. Так, например, автор рассматривает в ней сравнение, отмечая в то же время, что последнее не представляет собой тропа. В качестве примеров на метонимию (стр. 159—161) приведены большей частью стершиеся, не наделенные уже никакой образностью, обычные в языке переносные употребления; ср., например, на стр. 159: *Das ganze Institut sprach davon (anstatt: die Studenten des Instituts)*. Можно сказать и *die ganze Stadt, das ganze Dorf, das ganze Haus, die ganze Straße* и т. п. *sprach davon*. Неточно здесь и то, что понятие *das ganze Institut* включает не только студентов, но и преподавателей, и обслуживающий персонал, т. е. всех людей, имеющих к нему отношение.

Неудачен пример на метонимию, взятый из стихотворения Кубы «O Menschheit,

¹ См. В. В. Виноградов, Итоги обсуждения вопросов стилистики, стр. 69.

² Ср. там же, стр. 65.

hilf!» (стр. 159). Слова *fällt der eiserne Regen* (буквально: «падает железный дождь» вместо «сыплются пули») в данном примере вряд ли представляют собой метонимию, основанную на логической связи по материалу (*Stoffverhältnis*), т. е., вероятно, по мнению автора, «железный дождь» = пули (из железа?!). Скорее это метафора, покоящаяся на сходстве между градом пуль и дождем.

Недостаточно убедительно звучит сравнение средств образности у Г. Гейне и реакционных романтиков Новалиса и Тика, проводимое автором на стр. 171—172, поскольку сравниваются не законченные отрывки или стихотворения, написанные на общую тематику, а вырванные из более широкого контекста цитаты. По поводу следующих трех строк из Тика:

*Schwarz war die Nacht,
Und dunkle Sterne brannten
Durch Wolkenschleier matt und bleich*

(буквально: «Черна была ночь,
И темные звезды горели
Сквозь дымку облаков тусклым и бледным светом»)

автор замечает (стр. 172): «Право же, трудно представить, чтобы горели темные звезды». Между тем Тик дает довольно прозрачную поэтическую картину темной, облачной ночи. Что же касается темных звезд, то они не просто горели (*brannten*), но «горели тусклым, бледным светом» (*brannten matt und bleich*; ср. *eine Laterne, eine Lampe brennt matt*).

В главе восьмой, которая, как уже было отмечено выше, посвящена эпитетам, Э. Г. Ризель противопоставляет свою точку зрения на эпитет двум другим теориям (стр. 192). Первая из них гласит, что об эпитете можно говорить лишь применительно к художественной литературе. Представители другой теории полагают, что в качестве эпитета выступает только эмоциональное, содержащее субъективную оценку, определение.

Автор предлагает следующую трактовку эпитета: «1. Эпитетом является всякое уточнение признаков (*Merkmalsbestimmung*) существительного, благодаря которому соответствующее понятие получает со стороны говорящего либо логически-предметную конкретизацию, либо субъективно-эмоциональную оценку. 2. Эпитет более или менее необходим для понимания того существительного, к которому он относится, но отнюдь не неизбежен. 3. Эпитет простирается не только на область художественной литературы, но и на все способы использования национального языка. 4. Эпитет представляет собой стилистическое понятие, выраженное грамматически при помощи пре- или постпозитивного определения (прилагательного или причастия), предложного определения и приложения, предикативного определения (*Prädikatsattribut*) и определительного придаточного предложения. Кроме того, в сложных именах существительных функцию эпитета может выполнять определяющий компонент» (стр. 192).

В общих чертах данная точка зрения представляется вполне приемлемой. Сомнение вызывает указание на то, что в роли эпитета может выступать определяющий компонент сложного слова, так как сложное слово не сводимо к сумме тех синтаксических элементов, к которым данный тип словосложения может входить генетически.

В последней, десятой, главе первой части «Очерков» трактуются вопросы стилистического использования фразеологических единиц немецкого языка, представляющих в современной германике еще недостаточно исследованное явление. Материалы данной главы свидетельствуют о неразработанности вопросов фразеологии в стилистическом плане, что особенно ярко проявляется в мало обоснованной классификации фразеологических единиц, опирающейся то на чисто лексикологические, то на чисто стилистические критерии (ср. стр. 219—227).

Вторая часть очерков Э. Г. Ризель «Грамматические средства выразительности современного немецкого языка» (стр. 245—336) содержит ряд интересных наблюдений над синтаксической синонимикой. Она включает пять глав: «Стилистическая выразительность формы предложения» (стр. 247—256); «Возможные способы варьирования порядка слов как синтаксическое средство выразительности» (стр. 256—286); «Нарушение конструкции предложения» (стр. 286—298); «Возможные способы сочетания слов, групп слов, предложений и абзацев» (стр. 298—322); «Стилистическая выразительность способов передачи речи» (стр. 322—335). Особого внимания заслуживают в данной части тонкие и самостоятельные наблюдения автора, касающиеся возможностей варьирования порядка слов.

Как было отмечено В. В. Виноградовым, «понятие „синтаксического синонима“ еще до сих пор не может считаться точно определенным»¹. Эта общая неясность не могла не сказаться и на соответствующих разделах книги Э. Г. Ризель, где исследова-

¹ В. В. Виноградов, *Итоги обсуждения вопросов стилистики*, стр. 61.

ние синтаксической синонимии проводится, в основном, с эмоционально-экспрессивной точки зрения, безотносительно к функционально-стилистической дифференциации типов речи. Кроме того, из поля зрения автора почему-то выпали морфологические явления.

В третьей части рецензируемой книги (стр. 339—366) рассматриваются фонетические средства выразительности современного немецкого языка. В первой главе данной части (стр. 339—352) трактуются стилистические проблемы звукового оформления (Lautinstrumentierung), во второй (стр. 352—366) освещаются ритмико-мелодические средства выразительности.

Приложение (стр. 367—398) содержит сжатый очерк метрики современного немецкого языка, причем автор подвергает специальному анализу стилистическую выразительность метрических форм (стр. 390—398).

Сделанный нами краткий критический обзор «Очерков по стилистике немецкого языка» свидетельствует о том, что их автор последовательно освещает все (за исключением морфологии) аспекты языка, причем в центре его внимания все время находятся проблемы стилистической синонимии. Правильно оценивая положение стилистики как языковедческой дисциплины, соприкасающейся в известном плане с литературоведением, автор на протяжении всей книги не только исследует огромное богатство выразительных средств единого общенародного языка, но и показывает их использование в художественной литературе, что также составляет одну из положительных сторон рецензируемой работы.

Вместе с тем общее отставание стилистики как науки не могло не отразиться и на книге Э. Г. Ризель. В этой книге некоторые теоретические проблемы (например, понятие языковой нормы, понятие речевой «экспрессии») оказались обойденными, трактовка же ряда других представляется спорной. Вследствие этого «Очерки по стилистике немецкого языка» необходимо рассматривать главным образом как полезное практическое пособие, ценное богатством, хорошо подобранным иллюстративным материалом и образцами лингво-стилистического анализа. Стремление автора создать учебник по стилистике на основе достижений советского языкознания за последние годы нужно всячески приветствовать.

Н. И. Филичева

II. Шантрен. Историческая морфология греческого языка. Перевод со 2-го франц. изд. Приложение и предисл. Я. М. Боровского. М., Изд-во иностр. лит-ры, 1953, 340 стр., 1 карта.

Греческий язык представляет особый интерес для языкознания, во-первых, потому, что мы, располагая его письменными памятниками, можем наблюдать почти трехтысячелетнюю историю этого языка со времен Гомера вплоть до наших дней. Во-вторых, греческий язык донес до нас такие древние черты, которые были им унаследованы от доисторического периода, связанного с индоевропейской эпохой, с индоевропейским языком-основой. Это делает греческий язык чрезвычайно важным для сравнительно-исторического языкознания. В-третьих, греческий язык богат диалектами, которые нам стали известны главным образом благодаря многочисленным археологическим (эпиграфическим) находкам на территории как собственно Греции, так и ее многочисленных колоний, в том числе существовавших на юге нашей родины.

Общезвестно далее большое культурное влияние древней Греции и Византии на развитие европейской и русской культуры, в связи с чем нельзя не отметить, что в международном фонде словаря, в его общественно-политической, философской, лингвистической, литературоведческой, искусствоведческой и научно-технической терминологии элементы греческой лексики и отчасти морфологии доньше играют колоссальную роль (ср. *демократия, аристократия, философия, материя, космогония, грамматика, филология, эпос, лирика, драма, театр, биохимия, генетика* и т. д.). Наконец, греческая грамматика — это также факт общезвестный — стала прообразом грамматик всех европейских языков, начиная с латинского.

В доклятырский период греческая грамматика обслуживала в нашей стране главным образом практические потребности школы, особенно классических гимназий. Научная историческая грамматика греческого языка преимущественно изучалась как составная часть индоевропейской сравнительно-исторической грамматики, причем больше всего внимания уделялось фонетике, меньше морфологии¹.

¹ См.: Ф. Ф. Фортунатов, Краткий очерк сравнительной фонетики индоевропейских языков, Пб., 1922; В. А. Богородицкий, Сравнительная грамматика арио-европейских языков, вып. 1 [—Фонетика], Казань, 1914; его же,